

В. А. Бердинских

**ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ
ДМИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ЗЕЛЕНИНА**

Имя выдающегося советского ученого Д. К. Зеленина (1878—1954) известно в нашей стране каждому этнографу. Труды его составили эпоху в развитии науки, прочно соединили советскую этнографическую науку с лучшими достижениями русской этнографии XIX — начала XX в. Оценка его полувековой научной работы, справедливо названной подвигом во имя науки, дана в посвященном ему сборнике «Проблемы славянской этнографии»¹. Вместе с тем о личности Д. К. Зеленина писали до сих пор очень мало. Даже при достаточно интенсивном использовании большого личного фонда ученого, сохранившегося в архиве АН СССР (Ленинград), будущий этнограф не найдет там достаточно материалов, позволяющих восстановить живой облик замечательного исследователя, черты его характера, поведения, быта. Между тем, судьба Д. К. Зеленина во многом трагична. Показать реальные трудности его жизни — дело непростое. Думается, этому могут помочь письма ученого на родину — в Киров.

В 1951 г. кировский краевед-журналист Василий Георгиевич Пленков (1896—1979) обратился к Д. К. Зеленину с просьбой прислать автобиографию для опубликования в местной печати статьи, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-земляка. Завязалась переписка. Дмитрий Константинович прислал В. Г. Пленкову развернутую автобиографию, в которой по существу подвел итоги своей научной деятельности и всей жизни. Особенно интересны для нас (так же как и в письмах О. И. Галеркиной) сведения о последних годах жизни Д. К. Зеленина.

Многоуважаемый Василий Георгиевич!

В ответ на Ваше любезное письмо от 3 мая сообщаю Вам автобиографические сведения как материал для будущего некролога (может быть, предстоящего). Я родился в 1878 г. 3 ноября по новому стилю (21 октября по старому) в селе Люк бывшего Сарапульского уезда Вятской губ., но теперь это село не в Кировской обл., а в Удмуртии. Село Люк русское, но кругом его много удмуртских деревень. От Ижевска до Люка считали прежде 30 верст, но по самой скверной дороге, какую только можно себе представить. За свою жизнь я проехал летом на конях много тысяч километров в разных местах России, но такой скверной дороги нигде не встретил. В селе Люк в мое время считалось более ста домов, но село было глухое, медвежий угол: «поп, дячок да третий кабачок». Была и школа, земская, и я в ней учился, но недолго, так как, когда мне исполнилось 8 лет, меня отвезли в город Сарапул за 100 верст, где я учился пять лет, после чего шесть лет учился в городе Вятке (теперь Киров). В 1898—99 учебном году работал в гор. Сарапуле учителем, а осенью 1899 года поступил в б. Юрьевский (теперь Тартуский) университет в число студентов историко-филологического факультета.

В Вятке я учился в духовной семинарии, окончил курс в 1898 г. вторым по успехам, и мне начальство семинарии предложило командировку в духовную академию

¹ Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979.

«казеннокоштным студентом», но я отклонил это предложение, решив учиться в университете. Отец мой был заштатным псаломщиком в селе Люк, многодетным бедняком, и умер 26 мая 1897 г. Для того, чтобы доехать до Юрьева и поступить в университет, мне необходимо было заработать малую толику денег, почему я и поступил сначала учителем и прослужил в этой должности весь 1898/99 учебный год.

Университетский курс я окончил в 4 года и получил диплом кандидата славяно-русской филологии. В бытность свою студентом я напечатал несколько статей в журналах. Моя статья «Новые веяния в народной поэзии» о частушках, написанная мною по материалам, собранным мною в б. Яранском уезде, появилась в журнале «Вестник воспитания» (ноябрь 1901 г.) и отдельно в 1901 году. Она встречена была в периодической печати того времени очень сочувственно. За мою статью о сарапульском говоре, напечатанную в журнале «Живая старина» (1901, № 9, с. 81—96), Географическое общество присудило мне малую серебряную медаль общества «За полезные труды». За мою рукописную большую работу о говоре и фольклоре Яранского уезда то же общество выдало мне малую золотую медаль в 1903 году. За мою дипломную работу, рукописную, Академия Наук присудила мне премию имени Михельсона в 500 рублей. На эти деньги я напечатал свою книгу «Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края» (Юрьев, 1904, 180 стр.; напечатано без твердых знаков — еров).

В бытность свою студентом я напечатал еще ряд статей в журналах: «Язычество в Вятской губернии» (в журнале «Жизнь», 1900, № 4), «Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию» (в Сборнике отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1903, том 76; 189 стр.), «Отчет о поездке в Яранский уезд для изучения народного говора» (Ученые записки Юрьевского университета, 1902, 17 стр.), «Н. И. Ильминский и просвещение инородцев» (Русская школа, 1902, № 4, 20 стр.), «Песни деревенской молодежи. Записаны в Вятской губ.» (Вятка, 1903; 88 стр., оттиск из книги «Памятная книжка и календарь Вятской губ.») и другие. Будучи студентом, я существовал на гонорар за свои корреспонденции и статьи в газетах и журналах.

По окончании университетского курса я был «оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию», т. е. стал, выражаясь современным языком, аспирантом с 1 января 1904 года. Это мое назначение прошло в факультете далеко не гладко, с большими затруднениями и затяжками, и Министерство народного просвещения утвердило представление университета только 18 августа 1904 года. И «оставлен» я был не по своей ближайшей специальности, не по русскому языку и словесности, а по кафедре сравнительного и немецкого языкознания. Причиной всего этого было то, что среди профессоров факультета тогда были представители разных политических взглядов: большинство профессоров было реакционерами, и они возражали против моей аспирантуры. Представитель кафедры русской словесности профессор Е. В. Петухов лицемерно заявил в факультете, что «Зеленина оставят при университете в Петербурге», что было, конечно, невозможно. Прогрессивный молодой профессор языкознания Дм. Н. Кудрявский предложил мне остаться при его кафедре, и я принужден был согласиться. На этом мои мытарства не закончились. «Магистерские испытания» аспирантов происходили в пленуме факультетского совета, и реакционное большинство профессоров решило меня «срезать». Спасла меня только университетская автономия, которая была объявлена в 1905 году. Я выдержал все магистерские экзамены и был оставлен аспирантом на третий год с прикомандированием для занятий в Петербурге под руководством академиков А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова.

А. А. Шахматов, крупнейший ученый своего времени, был человек замечательный во всех отношениях. Он горячо поддержал мое стремление изучать языковые явления русских говоров в тесной связи с общим ходом жизни русского народа, в связи с этнографией. Написанная под руководством А. А. Шахматова, моя диссертация «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» вышла в 1913 г. в печати как издание Отделения Академии Наук (544 стр. и карта) и была удостоена Академией полной премии имени Ахматова в одну тысячу рублей. Защитил я ее в Петроградском университете только 17 мая 1915 года, так как профессор И. А. Бодуэн-де-Куртенэ отказался принять ее по кафедре сравнительного языкознания и потребовалось особое разрешение Министерства о защите по кафедре русского языка.

А. А. Шахматов привлек меня к работам по академическому словарю русского языка; по программе Шахматова в словарь входили не только слова литературного

языка, но также и лексика местных великорусских говоров. Под моей редакцией в 1906—1916 годах вышли в печати 10 выпусков 4-го тома словаря.

В 1916 году я был избран профессором русского языка и словесности Харьковского университета, одновременно читал лекции на Высших женских курсах Харькова, которые потом слились с университетом. Мое девятилетнее пребывание на Украине расширило мой научный кругозор, я глубже изучил украинский язык (по которому я читал одно время специальные курсы) и этнографию украинского народа. 12 апреля 1917 года я защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Очерки русской мифологии» (Петроград, 1916; 312 стр.). Главным официальным оппонентом был знаменитый русский ученый Д. Н. Анучин, который тепло приветствовал меня как этнографа, изучающего русскую национальную культуру — сохи, сарафаны, поневы, лапти, русалок и т. п.

Когда в 1925 году в Ленинградском университете было организовано Этнографическое отделение, меня как специалиста-этнографа пригласили занять кафедру восточных славян; я осенью 1925 года переехал в Ленинград, где живу и теперь. В том же 1925 году, 5 декабря, Академия Наук избрала меня своим членом-корреспондентом.

В 1915 году Географическое общество издало в 42-м томе своих «Записок» записанные мною сказки Вятской губернии. В сборнике (44+640 стр.) 139 сказок, часть которых записана не мною. Больше всего сказок из Котельничского уезда — 83; здесь я встретил талантливого рассказчика, 38-летнего (в 1908 году, когда я записывал сказки) крестьянина-плотника из деревни Ключи Синцовской волости Григория Антоновича Верхорубова. Не получивший никакого образования Верхорубов удивлял меня своей интеллигентностью, но одновременно он верил в леших и в разную иную чертовщину. Такое суеверие было, впрочем, тогда общим явлением в деревнях Котельничского уезда.

Не менее талантливым сказочником был крестьянин Ключевской волости того же уезда, из починка Плоского (Запываловы) Афанасий Тимофеевич Краев. Это был сказочник-профессионал, без выступлений которого не обходилась ни одна свадьба в околотке. В 1908 году Краеву было уже 75 лет, память его ослабела, и мне удалось записать лишь несколько сказок.

Общее количество моих печатных научных работ около 150, не считая мелких заметок и рецензий; среди этих 150 работ 15 больших томов. В 1945 году в связи с 220-летием Академии Наук СССР, Президиум Верховного Совета СССР наградил меня орденом Трудового Красного Знамени.

С 1950 года я получаю пенсию, но продолжаю работать в области науки и читаю лекции в университете.

За 70 лет моей жизни мне пришлось пережить много тяжелых минут и тревожных, но возможность заниматься любимым научным трудом, видеть своих учеников старшими научными сотрудниками Белорусской Академии Наук и других институтов и вузов, все это делает мою жизнь счастливою.

май 1951.
Ленинград

Доктор исторических наук, профессор
университета, член-корреспондент
Академии наук СССР Дм. Зеленин²

Следующее письмо Д. К. Зеленина В. Г. Пленкову (июль 1951 г.) характеризует умонастроение ученого в это время:

Я должен напомнить, что прислал Вам материал для будущего некролога. Теперь же можно дать лишь несколько строк в газете или в сборнике об уроженцах Вятского края.

(...) Вместе со мной в университете учился Десницкий, уроженец г. Горького, теперь крупный литературовед, профессор; он много лет был деканом филологического факультета педагогич. института им. Герцена в Ленинграде; когда ему исполнилось 70 лет, институт издал том Ученых записок со статьями о Десницком. Этот юбилейный сборник был высмеян в газетах, и даже в приказе Министерства высшего образования об изданиях вузов был упомянут с порицанием этот сборник. Юбилей можно праздновать лишь с разрешения верхов. Между тем Десницкий ничем не скомпрометирован, в 1906 г. он был делегатом на съезде в Стокгольме и теперь работает в Институте русской литературы Акад. Наук. Через 2 года стукнуло мне 70 лет и, когда мне университет предлагал отметить мой юбилей, я отказался. Этнография, в области которой

² Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. Р-128. Оп. 1. Ед. хр. 407. Л. 81—84-об.

я работал, теперь считается не актуальной; старую народную деревенскую культуру теперь не принято даже вспоминать, тем более изучать. У меня готова большая работа «Русский сарафан», и ее нельзя напечатать. Университетский курс мой «Русская этнография» (424 стр. и таблицы) вышел в печати на немецком языке в Берлине в 1927 г. как один из томов «Энциклопедии славянской филологии и культуры». Если бы я тогда отклонил просьбу немецкого издательства, оно издало бы книгу белогвардейского эмигранта; но меня и теперь поругивают за то, что я напечатал за границей; по-русски эта книга не вышла, так как она не нужна. И об авторе ее можно писать лишь после его смерти (...).

У меня больше врагов, чем у Десницкого, почему нужно быть осторожным. В местных газетах, конечно, можно печатать, так как в центре их почти никто не читает; но в журнале можно печатать лишь статью о многих, так чтобы отдельные личности потонули в коллективе, в массе.

Моя статья «Русская дореволюционная литература по истории семьи и рода» (стр. 913—960 в сборнике памяти Энгельса, юбилейном, который вышел как один из томов в «Трудах Института этнографии Академии Наук»; но в числе редакторов и авторов этого тома оказались потом враги народа, и сборник этот мало известен). (...)

Десятки моих работ напечатаны за границей — в журналах Праги, Лейпцига, Стокгольма, Лейдена, Кракова, б. ч. на немецком, а частью на русском, польском, английском языках. Вам не стоит заниматься библиографией, ее у меня нет³.

На основании этих биографических материалов В. Г. Пленков стал готовить статью о Зеленине в газету «Удмуртская правда»⁴. Вместе с тем он попросил свою знакомую, искусствоведа Олимпиаду Исаевну Галеркину, проживавшую в Ленинграде, получить в Институте этнографии и лично у ученого дополнительные материалы для своей статьи.

В письме от 4 октября 1953 г. О. И. Галеркина писала В. Г. Пленкову:

Вот что мне удалось выяснить в Институте этнографии АН СССР. Дмитрий Константинович не работает там уже 4 года. В университете он тоже прекратил чтение лекций — здоровье не позволяет, и живет на пенсию и на оклад члена-корреспондента (он единственный член-корр. среди этнографов).

По некоторым намекам ученого секретаря я поняла, что в Институте с ним расстались в натянутых отношениях и что И-т юбилей отмечать не будет, т. к. не считает Д. К. своим сотрудником (не очень-то красиво, по-моему!).

Полагая, что Вас, для готовящейся статьи, мог интересовать вопрос — над чем работает Д. К. в настоящее время, я позвонила ему лично по телефону, и он мне рассказал, что:

1. Обрабатывает курс лекций, читанный им на протяжении многих лет в ЛГУ по этногеографии СССР.

2. Печатает в Киеве в связи с 300-летием воссоединения Украины и России (при Богд. Хмельницком) статью «О происхождении западных украинцев-гуцулов» — потомков киевлян.

3. Печатает в Москве, в Трудах Института языкознания, статью по данным диалектологии и этнографии «Участие балтийских славян в заселении древнего Великого Новгорода».

Д. К., будучи, по-видимому, человеком очень скромным, просил Вас передать, что он противник всяких юбилейных торжеств и сообщает эти сведения только для некролога.

Я сказала, что воспринимаю это только как шутку⁵.

Д. К. Зеленин умер 31 августа 1954 года в своем рабочем кабинете. Статью В. Г. Пленкова о себе в «Удмуртской правде» он успел получить. Но на письма краеведа уже ответить не мог. Тот, обеспокоенный его молчанием, попросил О. И. Галеркину сходить к этнографу. Свой

³ Там же. Л. 85—85-об.

⁴ Пленков В. Г. Выдающийся ученый (к 75-летию со дня рождения Д. К. Зеленина) // Удмуртская правда. 1953. 3 ноября.

⁵ ГАКО. Ф. Р-128. Оп. 1. Ед. хр. 407. Л. 92—93-об.

визит на пр. Маклина, д. 2, кв. 19, где ученый жил с 1925 г., и беседу с соседями Д. К. Зеленина в ноябрьском письме она описала так:

Оказалось, что Д. К. жил один, занимая две комнаты. Комнаты были тесно заставлены книгами, оставался только узкий проход к письменному столу, за которым Д. К. работал до последнего дня. Он никуда не выходил, за исключением бани, и, как говорит дворница [так в оригинале], всегда брал веник — очень любил париться, хотя врачи ему не разрешали.

Так, в последний раз сходил он в баню, а потом сел работать у себя в комнате. На следующий день пришла к нему племянница — она приходила два раза в неделю делать уборку, видит — дверь закрыта изнутри. Она подождала немного, думала, Д. К. вышел и забыл навесить наружный замок. Потом позвала управляющего домом, замок взломали и обнаружили, что Д. К. так и сидит за письменным столом, с очками на носу и вечным пером в руке. Рядом на электрической плитке стояла кружечка с водой. К счастью, плитка перегорела, а то бы мог случиться пожар — кругом лежали стопки бумаги. Должно быть, смерть застала Д. К. мгновенно, и остается утешаться только, что конец его был легким.

Сейчас комнаты опечатаны, племянница ждет, кажется, годичного срока, чтобы предъявить права на наследство. Помимо громадной библиотеки у Д. К. были обнаружены значительные запасы продуктов и солидные денежные сбережения, т. к., разумеется, он не успевал расходовать академический паек и пенсию, будучи человеком одиноким⁶.

За свою жизнь Д. К. Зеленин опубликовал 306 работ: книг, статей, очерков, рецензий. Более 50 из них были посвящены вятской теме⁷. Письма последних лет жизни показывают нам человека чрезвычайно одинокого, основной целью, смыслом жизни которого была титаническая научная работа. Горечь от несправедливых и незаслуженных обвинений (в великорусском шовинизме — 30-е годы, космополитизме — 40-е годы) сквозит в этих письмах. Гигантский труд его жизни «Этнографо-географический словарь» объемом в 300 печатных листов так и не увидел света.

Но идеи ученого о системном исследовании народной культуры как единого исторически сложившегося и динамического явления сегодня актуальны как никогда. Продолжают «работать» его многочисленные труды. Мы не сможем понять особенности личности этого человека, не обратившись к русской народной культуре XIX — начала XX в. Тонкое понимание основ русской народной жизни, увлечение наукой как главным средством преобразования мира, формой своего служения людям, широкий подход к культуре были характерны для многих ученых этого типа.

Пристально всматриваясь в личность Д. К. Зеленина, мы не можем не видеть, что в ней соединились лучшие черты российского ученого, представителя разночинно-демократической интеллигенции страны, выработанные XIX веком в России.

⁶ Там же. Ф. Р-128. Оп. 1. Ед. хр. 407. Л. 107—107-об.

⁷ Проблемы славянской этнографии. С. 221—237.